

В. В. Сидоров¹

ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУР

Sidorov V.V. Cultural transformations

Every culture is based on the preceding. The archaeological culture as materialized traces of ancient cultures did not appear and disappear. They can be transformed as a result of migration under the influence of other cultural systems. Such migrations are rare and fairly can be traced as the transfer of entire cultural systems into new territory, where the culture may change as a result of adaptation to the new natural and social environment. For the emergence of a new archaeological culture is often taken shape transformation of the individual components due to their self-development. It can be caused by technological innovations that change the signs by which culture was recognized. But the most complex changes occur when changing the type of economic culture, causing changes in lifestyle. Innovations that transform the ethnographic aspect, may be borrowing, but this does not prove a change of the population.

Иногда встреченная вовремя статья оказывается в основе последующих исследований в других областях. Так случилось, когда в 1969 г. Г.П. Григорьев познакомил меня со своими еще не законченными статьями. Следы их обнаруживаю в своих работах. Надеюсь, и в данной работе проявился тот же комплексный подход к интерпретации археологических источников, какой характерен для Г.П. Григорьева.

Археологические культуры возникают и завершаются... Так ли это? Всякая последующая культура строится на основании предшествовавшей и ни начаться, ни завершиться не может, пока существует общество, если она понимается как общественный опыт. А археологическая культура — это

материализованные следы былой культуры. Формы проявления культуры при этом могут трансформироваться до неузнаваемости. Но это *мы* с имеющимися у нас источниками и методами анализа ее перестаем узнавать: то, что до нас доходит от былой культуры, на основании чего мы судим об этнокультурных явлениях — это ее разрозненные фрагменты, далеко не пропорционально ее представляющие. Возникает своеобразная профессиональная aberrация, придающая особый вес тем культурным явлениям, которые попадают в поле наших исследований. Каменные орудия и технология их изготовления — это почти все, что нам известно о культуре до появления керамики, и на основании чего мы судим о культурах как отражении социумов. Но чем уже круг источников, вовлеченных в исследование, тем резче проявляются культурные трансформации.

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия.

Обстоятельства трансформаций — их причины, источники конкретных форм, последствия — и есть предмет археологического исследования. Одним из обстоятельств трансформации является миграция. Контакт с иными культурными системами, изменение среды обитания приводят к необходимости новаций. В результате миграций возникают новые системы социальных связей с соседними сообществами (культурная адаптация), которые могут служить источниками новаций. При этом возникает иллюзия глубокого преобразующего культурного влияния культуры источника новации (ассимилирующего, то есть замещающего, собственные модели культуры). Но сутью этноса является саморегулирующаяся и возобновляющаяся система социальных связей, а не набор признаков, хотя судим мы о наличии системных связей именно по материальным признакам. Подсчет заимствованных и традиционных признаков мало что дает для понимания глубины преобразования культуры — из-за той же неполноты данных. Новация, не замещающая собственных элементов культуры, а только восполняющая дефицит средств адаптации, об ассимиляции не свидетельствует, хотя контакт фиксирует. Доказательством ассимиляции может служить изменение направленности социальных связей.

Но это не единственный вид трансформации. Сами новации могут быть как заимствованиями, так и развитием каких-то латентных компонентов культуры, существовавших в ней и до их массового проявления. Технологические новации также способны вызвать явления, принимаемые за культурную трансформацию, а то и за смену культуры, хотя тут порой только смена одной из технологий.

Археологическая культура — след единого пространственно-временного поля циркуляции информации, и в этом она тождественна этносу. Территориальные границы археологической культуры определяются падением плотности связей между синхронными комплексами. Сложнее определить хронологические рамки культуры. За них могут быть приняты моменты культурной трансформации, чем бы они ни были вызваны. Именно такие моменты В.П. Алексеев предлагал считать за начало становления нового этноса. «Этногенез

— происхождение народов. Это означает, что речь в данном случае идет о сложении во времени того комплекса специфических элементов, который характерен именно для данного народа и ни для какого другого» (Алексеев, 1986, с. 32). Этому может соответствовать в археологии сохранение определенного списка признаков культуры, причем список признаков этноса по В.П. Алексееву археологически трудноуловим: язык, самосознание, самоназвание. Но ведь именно эти признаки как раз и фиксируют социальные связи. Понимая этногенез как целостный процесс и целостное явление, которое нерационально разлагать на составляющие, В.П. Алексеев не рассматривал механизм, создающий и поддерживающий это единство, то есть суть этноса (Там же, с. 35). Этнос — саморазвивающаяся система, поскольку связи его избирательны. Но эта система основана на множестве активных и пассивных связей. Активные — волевые, производные от действий отдельного субъекта. Пассивные — факторы, на него действующие — природа, социальная среда, ресурсы (Там же, с. 66)². Но признаки со временем меняются, и необходимо было бы условно обозначить количество любого признака, принимаемого за культуруобъединительный. Это делает выделение последовательно сменявших друг друга археологических культур условной операцией, всего лишь очерчивающей группы однородного материала, но не позволяющей проследить историю.

Выделение раннеолитической верхневолжской культуры поставило вопрос о соотношении со сменившей ее льяловской, с которой они также совпали территориально. Рассматривая суммарно материал обеих культур (длительность каждой превосходила тысячу лет), Д.А. Крайнов противопоставлял их, оставляя одну из них без потомков, другую — без предков. Но, опираясь на многослойные и хорошо стратифицированные памятники, удалось разделить их на этапы длительностью 200–300 лет (Сидоров, 1992). Получилась картина постепенной и разновременной смены разных аспектов культуры. Вкладышевая техника и с ней

² К пассивным факторам я бы добавил еще традицию, в том числе языковую.

техника снятия ножевидных пластин постепенно исчезает на среднем этапе верхневолжской культуры, и весь набор каменной техники, существовавший на позднем ее этапе, продолжает сосуществовать вместе с ранней льяловской керамикой. На позднем этапе верхневолжской культуры керамика уже обладает признаками, характерными для льяловской культуры: примесь дресвы в тесте становится почти обязательной, появляются строчки ямочного орнамента. При этом в орнаменте накольчатая техника сохраняется вплоть до льяловского времени, хотя роль ее в орнаментации постепенно меняется. Произвольное комбинирование признаков верхневолжской и льяловской культур на одном сосуде — показатель перехода, а никак не заимствования. И только появление традиции использования белемнита — единственный признак, четко, но условно разграничивающий эти этапы. Уже это дало возможность проследить эволюцию разных сторон культуры без каких-либо скачков, свойственных моментам трансформации. Разделение верхневолжской и льяловской культур сугубо условно — это один и тот же этнос³.

Точно так же все основные элементы верхневолжской кремневой техники переходят в нее из позднего мезолита. Увеличение доли орудий на отщепках, появление плоских бифасов предшествуют появлению керамики. Керамика же как новация не может обозначать смены культуры — она не вытесняет каких-либо традиций предшествовавшей. Ее появление только фиксирует связи, которые на материалах предшествовавших этапов проявлены не могли быть, что не означает их отсутствия. Таким образом, отпадает также необходимость рассматривать бутовскую и верхневолжскую культуры как разные общества. Их различия в том, что в конце VI тыс. до н.э. складывается такая система хозяйствования, которая позволяла создавать запасы, что и обусловило потребность в керамике. Но даже по этому признаку позднемезолитические и раннеолитические культуры не

противостоят друг другу. Тяготение мезолитических стоянок к большим озерам, а также появление больших долговременных жилищ в Среднем Поволжье в мезолите тоже обозначают переход к интенсификации эксплуатации природных ресурсов.

Противопоставление бутовской и иеневской культур (заднепиловской и аренсбургской по А.Н. Сорокину) также строится на том, что отсутствует их дробная периодизация, которая позволила бы проследивать их трансформацию. Комплексы, в которых встречаются изделия обеих культур, Л.В. Кольцов и М.Г. Жилин рассматривают как свидетельства их контактов, то есть сосуществования. Те же самые случаи А.Н. Сорокин трактует как механическое перемешивание слоя, то есть как показатель их одновременности (Сорокин, 2008). Но они могут быть показателями и переходной стадии.

Датировка и стратиграфия пока не дают возможности решения этого вопроса. Рассмотрим возможность такой трансформации на основании типологии. Основное различие этих культур в наличии/отсутствии вкладышевой техники, которая базируется на отжиме пластин. Остальной набор инвентаря у них общий. Архаичные ретушные резцы продолжают существовать и с бутовским материалом. Те орудия, которые делались из крупных пластин и отщепов, а также рубящие отличаются только качеством вторичной обработки. То есть здесь единственная новация — отжимная техника, которая и порождает новые формы. Она могла быть заимствованной у рессетинской культуры, как считает А.Н. Сорокин, — прямого продолжения костенковской, тем более цепочка рессетинских комплексов прослеживается в лесной зоне: на Оке, Верхней Клязьме, в Эстонии. Менее вероятно заимствование у свидерской культуры, которая, базируясь на высококачественном кремневом сырье, совершенствует ту же технику, которая свойственна иеневской культуре. Наиболее заметное изменение облика культуры касается асимметричных наконечников, формировавшихся из сечений крупных пластин, характерных для аренсбургско-иеневской. Но они не были единственной формой наконечников в культурах северной тради-

³ Единственное погребение стоянки Ивановская VII, отнесенное Д.А. Крайновым к верхневолжской культуре и резко отличное от льяловских по антропологическому типу, судя по отчету, не имеет достоверной стратиграфической привязки.

ции — получая симметричные сколы, здесь делали и черешковые наконечники с минимальным оформлением насада на ударном бугорке и без вторичной обработки острия. Это уже собственно свидерские наконечники (Желтова, 1994). Подобная форма может восходить к остриям сибирских кокоревских палеолитических стоянок, связывая генезис традиции Лингби с миграцией с Алтая и Енисея. Обилие рубящих орудий, скребел тоже указывает на ее сибирское происхождение.

Разрыв преемственности между начальным верхним палеолитом стрелецко-сунгирского облика и костенковско-виллендорфской культурой тоже, возможно, удастся со временем объяснить трансформацией технологии. Точность датировки этой поры пока не достаточна для выделения стадии трансформации, которой хватит 1–2 тысячи лет.

Разрывы культурной преемственности чаще всего бывают истолкованы как показатель миграции. Но миграции — явления, четко фиксируемые в археологическом материале, их не требуется изобретать. Для этого необходимо, чтобы археологическая культура, появляющаяся на исследуемой территории, имела бы на предшествовавшем этапе культуру-источник на иной территории. Так, протоволосовские комплексы, появляющиеся на льяловских стоянках, полностью совпадают с комплексами стоянок Селигерской группы озер, где они имеют длительный путь предшествовавшего развития. При этом в местах распространения протоволосовской (валдайской) керамики на новых территориях нет какого-либо продолжения существования льяловской культуры. Культура ромбоямочной керамики Карелии в деталях совпадает с московским вариантом льяловской культуры и появляется на севере в тот момент, когда она исчезает в бассейне р. Москвы и Верхней Оки. Долговская стоянка на Верхнем Дону — тот же случай документируемой миграции из Западной Мещеры или с р. Клязьмы. Появление верхне-днепровской «лапчатой» керамики на поздних волосовских памятниках происходит в момент исчезновения такой традиции на Верхнем Днепре. Не менее ярко фиксируются миграции культур шнуровой керамики: ранние фатьяновские могильники

(Ханевский, Ивановогорский, Новлянский, Новое) — это почти полный перенос на север комплексов среднеднепровской культуры. При этом миграция не означала разрыва связей с материнской культурой и на поздних этапах — элементы среднеднепровской культуры встречаются в керамике фатьяновских поселений вместе с балановскими.

Больше трудностей представляет объяснение исчезновения волосовской культуры, охватывавшей в III тыс. до н.э. большую часть лесной зоны. В дальнейшем эту же территорию занимают культуры сетчатой керамики. Связь по материальным признакам между ними напрямую не прослеживается. Но ни одна из культур-мигрантов из лесостепи и юга лесной зоны эпохи бронзы не занимала целиком этой области. Так, фатьяновская культура не распространялась севернее Поволжья⁴, и при этом отсутствуют следы ее влияния на позднюю волосовскую. Поздняковская культура — это культура Поочья. Единичные абашевские комплексы никак не могли потеснить волосовский массив. И только комплексы фатьяноидной керамики (галичской) доходят до южного Прионежья, встречаясь на многих стоянках, но только как примесь в многослойных памятниках. Так что единственной общей подосновой остается волосовская культура, трансформировавшаяся с заимствованием элементов культур мигрантов. Само распространение сетчатой керамики по лесной зоне нет необходимости представлять как свидетельство миграции: она уже существовала в скрытой форме в интегрированном, пронизанном связями единстве волосовской культуры. Такая полная трансформация может быть связана с изменением хозяйственно-культурного типа — она совпадает с заимствованием скотоводства и металлургии. Деграция каменной техники лишает нас возможности проследить связи в этой сфере.

Можно заметить, что исчезновения культур продолжаются и в более поздние эпохи. Не удается проследить трансформацию от дьяковской культуры к русскому средневековью. Трансформа-

⁴ Сверленные топоры, не сопровождающиеся другими фатьяновскими артефактами и керамикой, не доказывают существования здесь фатьяновцев.

ция создает видимость славянской раннесредневековой миграции на север лесной зоны. Но дьяковское население никуда не исчезает, а группы мигрантов, когда они бывают выявлены, очерчены

четко. Здесь тоже произошла трансформация хозяйственно-культурного типа с появлением ремесла, торговли, пашенного земледелия и княжеской власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П.* Этногенез. М., 1986.
- Желтова М.Н.* Некоторые технико-морфологические характеристики наконечников свидерского облика // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб., 1994. С. 182–187.
- Сорокин А.Н.* Проблемы мезолитоведения. М., 2006.
- Сидоров В.В.* Многослойные поселения Верхнего Поволжья Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
- Сидоров В.В.* Реконструкции в первобытной археологии. М., 2009.